

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ *в исследовании текстов* Нового Завета

Аннотация: Статья написана в рамках герменевтических изысканий и является продолжением публикаций по тематике жанрового анализа. Вместо традиционного литературоведческого подхода заявленного еще Аристотелем предлагается обратить внимание на лингвистический подход, предложенный М.М. Бахтиным, который более подходит для жанрового анализа текстов Нового Завета. Дается определение ключевым понятиям: жанр, дискурс, речевой жанр, первичный речевой жанр и другим. Приведены примеры некоторых первичных речевых жанров на апокалиптических текстах Нового Завета. Предложено направление для дальнейшего развития в изучении указанной тематики. Данное практическое исследование является первым применением речевых жанров к апокалиптическим текстам Нового Завета. Исследуемая область чрезвычайно интересна и полезна для дальнейшего изучения, дополнения и развития, поскольку предоставляет пытливому читателю Библии в рамках жанрового анализа новый инструментарий для поиска авторского значения текста.

Ключевые слова: жанр, речевые жанры, М.М. Бахтин, апокалиптика, литературный анализ.

Abstract: The article was written within the framework of hermeneutic research and is a continuation of publications on the subject of genre analysis. Instead of the traditional literary approach stated by Aristotle, it is proposed to pay attention to the linguistic approach proposed by M.M. Bakhtin, who is more suitable for the genre analysis of the texts of the New Testament. The definition of key concepts is given: genre, discourse, speech genre, primary speech genre and others. Examples of some primary speech genres in the apocalyptic texts of the New Testament are given. This case study is the first application of speech genres to apocalyptic New Testament texts. The area under study is extremely interesting and useful for further study, supplementation and development, as it provides the inquisitive reader of the Bible in genre analysis with a new toolkit for finding the author's meaning of the text.

Keywords: genre, speech genres, M.N. Bakhtin, apocalyptic, literary analysis.

Пыхтунов Лев Александрович, закончил Московскую богословскую семинарию по программе магистратуры, преподаватель Северо-Кавказского Библейского Института, проповедник, женат, трое детей (г. Прохладный, Россия).

О жанрах и подходах к жанровому анализу (введение в проблематику)^[1]

Термин “жанр” имеет французские корни, и соответствует русским понятиям “род” или же “вид”. В литературной энциклопедии можно прочитать, что “жанр ... — тип словесно-художественного произведения...”^[2]. Жанры входят в состав более общих категорий классификации текстов — функциональных стилей речи^[3]. М.Н. Кожина пишет, что “функциональные стили подразделяются... на подстили, жанры”; единого же мнения о возможности дифференциации функциональных стилей (например, художественного или разговорного) на данный момент не существует^[4].

Существует общепринятый и широко распространенный литературоведческий подход к исследованию жанров, построенный на методах литературоведческого анализа, который был предложен ещё Аристотелем. Он определил три рода жанров: повествование, лирика, драматургия; а собственно сами жанры входят уже в состав этих родов^[5]. При этом существует достаточно много сложностей в дальнейших практических попытках жанровых классификаций^[6]. Так Хализев пишет, что “платоновско-аристотелевско-гегелевская триада (эпос, лирика, драма)... нуждается в корректировке”^[7]. По словам Ю.В. Стенника, “установление систем жанровых типологий будет всегда сохранять опасность субъективизма и случайности”^[8]. И, несмотря на то, что современная филологическая наука позволяет классифицировать

^[1] Данная статья является продолжением публикаций автора по тематике жанрового анализа текстов Нового Завета. Для введения читателя в проблематику кратко представлены материалы предыдущей статьи: Пыхтунов Л.А., “Проблема жанрового анализа текстов Нового Завета”, Москва, МБС, Вестник Московской богословской семинарии евангельских христиан-баптистов, 2015, с. 18-32.

^[2] Тамарченко Н.Д. “Жанр” // Литературная энциклопедия терминов и понятий, под ред. А.Н. Николюкина, М. НПК “Интелвак”, 2001, 263-265 с.

^[3] см. Функциональные стили речи // Словарь литературоведческих терминов. С.П. Белокурова, 2005, http://literary_criticism.academic.ru/406/ (март 2013); Белокурова отмечает пять основных функциональных стилей: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический и художественный.

^[4] М.Н. Кожина “Функциональный стиль, или функциональная разновидность языка, функциональный тип речи” // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: «Флинта», «Наука». Под редакцией М.Н. Кожиной. 2003. // <http://stylistics.academic.ru/239/> (март 2013), в этой статье Кожина выделяет шесть функциональных стилей: научный, публицистический, официально-деловой, разговорный, художественный, религиозный, (см. там же). И уже в самом определении количества стилей видна разнородность в их описании.

^[5] Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории, Мн.: Литература, 1998, 1064 с.

^[6] Существуют определенные сложности и с выявлением функциональных стилей речи; подробнее об этом см. Пыхтунов Л.А., “Проблема жанрового анализа текстов Нового Завета”, Москва, МБС, Вестник Московской богословской семинарии евангельских христиан-баптистов, 2015, с. 18-32.

^[7] Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. — 3-е изд. испр. и доп. — Москва: Высшая школа, 2002, с. 357.

^[8] Там же, с. 359.

литературные жанры в их общем виде различными способами, использование этих способов затруднено отсутствием явно выраженных и чётко обозначенных критериев^[9]. Эта проблема создаёт определённые сложности в литературоведческом подходе анализа жанров для исследователей в выборе инструментария, на основании которого возможно было бы их рассматривать. Данная статья предлагает несколько иной подход к анализу жанров, нежели чем традиционный литературоведческий.

Итак, существует несколько подходов к изучению жанров, разнящихся по методам и временному промежутку исследования. С одной стороны, упомянутый выше общий подход к исследованию жанров, построенный на методах литературоведческого анализа, который был предложен ещё Аристотелем, и подход, связанный с методом лингвистического анализа, предложенный М.М. Бахтиным^[10], о котором и поговорим ниже. Сразу стоит лишь отметить, что лингвистический подход Бахтина, на наш взгляд, более соответствует указанной сфере и дает лучшие результаты для жанрового анализа текстов Священного Писания Нового Завета. С другой стороны, существуют еще два способа изучения жанров по отношению к временному промежутку исследования: — *синхронический* и *диахронический*. С нашей точки зрения, необходимо сделать выбор в пользу *синхронического* подхода, позволяющего анализировать текст в строго определенном историческом временном промежутке. Этому особенно способствует тот факт, что книги Нового Завета были написаны сравнительно в один период времени и в одну эпоху^[11], а также достаточно хорошо сохранились^[12], что принципиально для исследования. Подробнее о всем вышесказанном можно познакомиться в статье “Проблема жанрового анализа текстов Нового Завета”^[13].

Дадим определение понятию *дискурс*, которое в продолжение всей статьи будет активно использоваться. В данном исследовании это понятие представляет интерес с точки зрения лингвистической науки. Н.Д. Арутюнова даёт следующее определение: “Дискурс (от франц. discours — речь) ... текст,

^[9] Савин Г.А. Лекции, прочитанные в г. Прохладный по курсу “Герменевтика (теория текста)”, СКБИ, на магистерской программе, сентябрь 2011.

^[10] см. Савин Г.А. лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

^[11] Это утверждение, в принципе, чисто теоретически вполне может быть и оспорено, поскольку с одной стороны, встаёт вопрос, какие именно временные границы считать за эпоху. С другой стороны, датировка написания многих книг спорная. Также может возникнуть возражение, связанное с жанровыми изменениями, т.е. опять же, чисто теоретически за время написания Нового Завета жанровые изменения в фоне новозаветных книг вполне могли произойти. Но материал для исследования всё равно отсутствует, и объективное научное исследование оказывается невозможным. А это — уже серьёзнейший аргумент, и он перекрывает все предыдущие возражения.

^[12] см. Мецгер Б.М. Текстология Нового Завета, Москва, ББИ, 1996, с. 29-66, с. 67-91; см. Макдауэлл Д. Свидетельства достоверности Библии, СПб, БДВ, 2003, с. 80-92.

^[13] Пыхтунов Л.А., “Проблема жанрового анализа текстов Нового Завета”, Москва, МБС, Вестник Московской богословской семинарии евангельских христиан-баптистов, 2015, с. 18-32.

взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс — это речь, “погружённая в жизнь”^[14]. Или же, как отмечает В.И. Карасик, это “текст, погруженный в ситуацию общения”^[15]. Таким образом, **дискурс — это речь, погружённая в жизнь, или же дискурс — это текст, погружённый в ситуацию общения.**

Итак, помимо литературоведческого подхода изучения жанров, М.М. Бахтиным был предложен лингвистический подход, в результате которого появилось понятие речевых жанров, которое и рассмотрим далее.

Речевые жанры и обоснование их использования для жанрового анализа текстов Священного Писания

◆ Понятие “речевые жанры” достаточно серьёзно исследовалось такими учеными как Бахтин, Федосюк, Седов, Шмелёва, Матвеева и другими. В настоящее время интерес к этим исследованиям остаётся^[16] и разработки продолжают^[17]. Впервые в научной литературе проблему речевых жанров поднял и описал М.М. Бахтин. Под термином “*речевой жанр*” ученый понимал “**относительно устойчивые типы высказываний, выработанные сферой использования языка для определенной сферы общения, соединяющие в себе тематическое содержание, стиль и композиционное построение**”^[18]. По мнению Бахтина, категория “речевого жанра” выражает соответствие между социальной средой пребывания личности (т.е. дискурсом ситуации) и лингвистической деятельностью (т.е. в конечном итоге — с текстом), полагая, что “**жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам**”^[19]. Т.е. речевые жанры являются отображением в речи типичных и часто повторяющихся жизненных ситуаций бытовой и иной коммуникации между людьми в процессе их социального взаимодействия. Это и не удивительно, поскольку учёные отмечают, что и “сама мысль зарождается не от другой мысли, а от различных потребностей человека, от той сферы, которая охватывает все наши влечения, побуждения, эмоции...”^[20], а по-

^[14] Арутюнова Д.Н. “Дискурс” // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яреца, Москва: НИ “Большая Российская энциклопедия”, 1998, с.136-137.

^[15] Карасик В.И. О типах дискурса // Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000, с.5.

^[16] см. например, Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения), 38 с. // http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070236.pdf (март 2013); см. ещё Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи вып. 1, Саратов, Колледж, 1997, 88 с.

^[17] см. например, Дементьев В.В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010, с. 7-8; см. также, Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: “ссора”, “комплимент”, “колкость” // Жанры речи вып.1, Саратов, Колледж, 1997, 188 с.

^[18] цит. по: Савин Г.А. Лекции. Прохладный, сентябрь 2011. Савин приводит эту цитату в виде компактного определения; у самого Бахтина оно представлено в развернутом виде: см. Бахтин М.М. Автор и герой, СПб.: Азбука, 2000, с. 249.

^[19] Бахтин М.М. Автор и герой, СПб.: Азбука, 2000, с. 283.

требности напрямую связаны с различными ситуациями их восполнения. Витгенштейн также отмечал, что различные формы речи (он их называл “языковые игры”) соотносятся с определёнными жизненными ситуациями, а “языковых игр столько же, сколько видов человеческой деятельности”^[21]. Упомянутые в начале статьи функциональные стили речи, в том числе определяются на основании разновидности человеческого общения и связаны с условиями использования языка^[22]. В итоге видно, что в основе самой функциональной причины речи лежит определённая ситуация общения, вызванная той или же иной нуждой в определённой деятельности. Таким образом, жанр зависит от темы и от ситуации, в которой находятся автор и адресат, и, как следствие, представляет собой отражение в тексте. Ванхузер К.Д. отмечает:

“Бахтин создал термин “речевого жанра” для того, чтобы назвать повседневное употребление языка в каждодневной жизни. Природа и формы речевых жанров настолько же разнообразны, как и формы социальной деятельности, с которой они связаны (например, списки покупок, военные приказы, парламентские заявления, медицинские диагнозы и прочее)”^[23].

Также он добавляет, что “их (*жанры*) определяют по их основным коммуникативным функциям (напр.: политическая речь, политический комментарий, спортивный комментарий)”^[24]. Бахтин отмечает крайнюю разнородность речевых жанров^[25], вследствие чего их достаточно сложно описать. Учитывая это, ученый предлагает лингвистам “обратить здесь внимание на очень существенное различие между *первичными* (простыми) и *вторичными* (сложными) речевыми жанрами”, отмечая далее, что различие между ними не функциональное, а в зависимости от сложности. Т.е. “вторичные (сложные) речевые жанры... возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения...”^[26] Таким образом Бахтин предлагает достаточно гибкую классификацию жанров: во вторичном речевом жанре присутствует несколько первичных жанров. Как показывает опыт, это очень удобно при экзегезе текста, поскольку появля-

^[20] Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи вып.2, Саратов: Колледж, 1999, с. 15.

^[21] Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста, Черкассы: Коллоквиум, 2007, с.515-516.

^[22] см. М.Н. Кожина “Функциональный стиль, или функциональная разновидность языка, функциональный тип речи” // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: «Флинта», «Наука». Под ред. М.Н. Кожинной. 2003, <http://stylistics.academic.ru/239/> (март 2013).

Складывается такое ощущение, словно это основание восполняемой человеческой деятельностью нужды ещё ожидает своего апогея исследования в самых широких сферах научной деятельности.

^[23] Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста, Черкассы, Коллоквиум, 2007, с.516-517.

^[24] Там же, с. 517.

^[25] Бахтин М.М. Автор и герой, СПб.: Азбука, 2000, с. 251.

^[26] Там же.

ется гибкий инструмент, самоподстраивающийся под исследуемый текст и не связанный жёстко с какой-либо заранее принятой классификацией.

Кроме оппозиции *первичные/вторичные* или *простые/сложные* речевые жанры, могут предлагаться и другие, например: “‘элементарные’ и ‘комплексные жанры’”^[27]. При этом Федосюк отмечает отличия простых жанров говоря, что “под *элементарными* речевыми жанрами следовало бы понимать такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые... могут быть квалифицированы как тексты определённых жанров...”^[28]. В качестве примера элементарных речевых жанров он приводит такие жанры как, “сообщение, похвала, приветствие, или просьба”^[29]. *Комплексными* же речевыми жанрами, по его пониманию, являются такие тексты, которые состоят из компонентов, обладающих относительной завершённостью, и представляющих, в свою очередь, тексты определённых жанров, например: *утешение, беседа, дискуссия, уговоры, ссора*^[30]. По нашему мнению, в первом приближении, это не что иное, как элементарные жанры, хотя далее Федосюк предполагает более дифференцированную разбивку, нежели Бахтин. Шмелёва, например, также использует подобную терминологию: “*одноактные и многоактные*” речевые жанры^[31]. Можно предложить и немного более смелое понимание комплексного жанра – сложный жанр целых книг или отрывков из текстов Нового Завета, состоящий из простых (первичных) и сложных (вторичных) речевых жанров, обладающий определённой логической завершённостью. Например: евангелие – у каждого из четырёх Евангелий будет свой, неповторимый, отличающийся от другого жанр; апокалиптика – книга Откровение Иоанна Богослова, разумеется, по своему комплексному апокалиптическому жанру будет отличаться от комплексного апокалиптического жанра книги пророка Даниила.

Итак, мы видим, что данная классификационный подход имеет достаточно широкое распространение (среди учёных), ввиду своей простоты описания и использования в жанровом анализе. Можно использовать разную терминологию, главное при этом следует чётко понимать её смысл и избегать путаницы в применяемом понятийном аппарате.

Как уже было указано, данная статья предлагает использовать методы *синхронического* подхода исследования текста Нового Завета. В основу синхронического подхода положено понятие *референции*. “Референцией называется соотнесение и соотнесённость языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями”^[32], т.е. миром описываемой реальности. Каждый текст (в том числе и библейский) “всегда строится как имеющий

^[27] Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания №5, Наука, Москва, 1997, 104 с.

^[28] Там же.

^[29] Там же.

^[30] Там же.

^[31] цит. по Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте, Томск: ТПУ, 2007, с. 25.

некоторый внешний мир, с которым он соотносится”^[33] — это реальность внешнего мира, находящаяся в сознании библейского автора, и контролируемая Богом. Бог использовал способности людей, чтобы записать через них Своё откровение, библейские авторы были движимы Богом (2 Пет. 1:21). Как ещё отмечает Падучева, механизмы соотнесения текста с реальным миром подобны, но не тождественны, поскольку мир объективной реальности существует сам по себе, независимо и от автора и от его текста^[34]. Также стоит ещё раз заметить, что процесс передачи личного взгляда библейского автора на мир объективной реальности происходит в соответствии с Божиим замыслом и под Его контролем.

Итак, литературоведческий подход, предложенный еще Аристотелем, базируется на основе типологии похожих по какому-либо данному принципу текстов, объединённых по этому принципу в один жанр^[35]. В результате подобного анализа вектор исследования направлен от текста к дискурсу, поскольку в основе лежит текст, а не дискурс. Это можно увидеть из того, что Аристотель предлагает отличать между собой виды текстов на основе определённых признаков, сравнивая их между собой, выделять отличительные характеристики^[36]. На наш взгляд, это уже не что иное, как использование именно вторичного основания для классификации. В лингвистическом же подходе в основании анализа лежит ситуация, в которой происходит речевое взаимодействие, т.е. первичным оказывается дискурс, и вектор исследования оказывается направленным совершенно в обратную сторону: от дискурса к тексту. Т.е. в основе исследования находится именно дискурс, текст как результат — уже вторичен. Например, есть дискурс научной коммуникации, обычной разговорной коммуникации, юридической коммуникации, и соответственно этот дискурс, эта ситуация общения порождает жанр, порождает текст. Именно этот подход и предлагается в данной статье для дальнейших исследований в области жанрового анализа. При этом необходимо сразу оговориться, что и литературоведческий и лингвистический — оба эти метода уместны для жанрового анализа, но в данной статье мы останавливаемся и утверждаем второй метод — лингвистический, поскольку для анализа библейских текстов он всё-таки подходит лучше (от дискурса к тексту). К такому выводу можно прийти и на основании того, что древние авторы пользовались как основным подходом для написания текстов именно речевой коммуникацией. Это не коммуникация письменной культуры, а коммуникация, в основе которой находится определённый дискурс, который и рождает библейский текст.^[37]

^[32] Падучева Е. В. Семантические исследования, Москва: Языки славянской культуры, 2010, 244 с.

^[33] Там же.

^[34] см. Падучева Е.В. Семантические исследования, Москва: Языки славянской культуры, 2010, с. 244-245.

^[35] см. Савин Г.А. Лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

^[36] см. Аристотель Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории, Мн.: Литература, 1998, 1064 с., см. также 1065-1067 с. и далее “Поэтику”...

^[37] см. Савин Г.А. Лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

Таким образом, данная статья посвящена обоснованию возможности применения понятия “*речевой жанр*” к исследованию текстов Нового Завета, поскольку именно эта методика лингвистического подхода, связанная с использованием речевых жанров, наиболее адекватно отражает ситуацию жанрового анализа библейских текстов.

В основание жанрового исследования текстов Священного Писания может быть положен синхронический подход и методы лингвистического анализа, которые подразумевают наличие в Новом Завете вторичных речевых жанров и входящих в них — первичных. Причём, начать изучение рекомендуется с исследования именно первичных речевых жанров, поскольку подразумевается, что состав вторичных жанров целиком будет зависеть от полученных результатов. В подтверждение к сказанному, можно привести ещё несколько текстов учёных, касающихся описания характеристик жанров.

Речевые жанры — это такие виды речевого общения, которым соответствуют “**определённые, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний**”^[38], или “**речевой жанр это... типическая форма высказывания**”^[39]. Представленное понимание, как отмечает Матвеева, “основывается на обобщенном представлении о характере авторского отношения к действительности в рамках типового замысла (содержательный компонент), структурных признаках оформленного содержания (стилистический компонент), а также об экстралингвистической^[40] типичности представления”^[41]. Описанные общие характеристики послужат нам в дальнейших исследованиях для нахождения и описания первичных речевых жанров.

Перед тем как непосредственно подойти к жанровому анализу, крайне необходимо ознакомиться с такими терминами, как экзегетический и диегетический авторы текстов и их соответствующими дискурсами, поскольку производить поиск и дифференцировать речевые жанры необходимо именно по этому основанию.

Экзегетический и диегетический авторы текста и соответствующие им дискурсы (нарративный и эпистолярный)

◆ В процессе истолкования текстов Священного Писания, прежде всего, необходимо осознание такого понятия как автор текста. Любой целостный текст, имеющий свою структуру, содержание, стиль, композицию и т.д. создаётся под влиянием единого авторского сознания. Таким образом, каждый текст это такое речевое произведение, которое характеризуется “своим

^[38] Бахтин М.М. Автор и герой, СПб.: Азбука, 2000, с. 254.

^[39] Там же, с. 253, с. 283.

^[40] “Внеязыковой, относящийся к реальной действительности, в условиях которой развивается и функционирует язык” — см. “Экстралингвистический” // Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.. 1976, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1867/> (март 2013)

^[41] Матвеева Т.В. К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи, вып.1, Саратов: Колледж, 1997, 45 с.

субъектом речи, автором, или же редактором”^[42]. Иногда говоря об авторе, из-под пера которого непосредственно вышел текст, его также называют активным автором текста, поскольку существует ещё и пассивный автор, который и влияет собственно на автора^[43]. Это объект речи, или же получатель. Таким образом, любой текст диалогичен, и даже монологический текст всё равно диалогичен, потому что выполняется с учётом реакции слушателя, как отмечает Бахтин: “Понимание всегда... диалогично”^[44]. При этом не имеет значения, если даже автор находится один в комнате и говорит сам себе – в этом случае он сам себе является Альтер-эго^[45], и, таким образом, у автора всё равно имеется виртуальный, но потребитель текста. Т.е. автор может представлять себе виртуального собеседника, который или оппонирует ему, или же говорит что-то в унисон и соглашается. Такое понимание тем более справедливо и для новозаветных текстов, поскольку все они писались с определённой целью^[46] и определённому адресату (*лично или группе лиц*), а это значит, что во время написания учитывалась и ситуация, и адресат, и его возможная реакция. Также стоит напомнить, что в Божьем Провидении^[47] (*или Промысле*^[48]) изначально было положено чтение Писания всеми последующими поколениями людей, а значит, этот факт также был учтён Богом при создании библейских текстов.

Далее стоит заметить что, несмотря на неизменность классической схемы евангельской герменевтики “автор – адресат”, к ней можно применять разные методы, и производить анализ текстов по различным основаниям. **“Важным основанием, с точки зрения жанровой классификации, является принадлежность/непринадлежность автора к миру создаваемого им текста”**^[49]. Соответственно говоря, при создании текста любой автор сознательно или подсознательно определённым образом соотносит себя с этим текстом. Таким образом, есть два вида соотношения автора и текста. Первое – автор принадлежит миру текста, второе – автор не принадлежит миру текста. Рассмотрим далее этот вопрос подробнее.

Во время любой ситуации бытового общения, например, в дружеской застольной беседе все участники разговора в обязательном порядке строят свою речь так, что они сами как личности присутствуют в произносимой

^[42] Савин Г.А. Лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

^[43] см. Савин Г.А. Семинар для служителей московского региона “Библия и её современная интерпретация”, МБС, Москва, октябрь 2005, и см. Савин Г. А. лекции, Прохладный, сентябрь 2011

^[44] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества, М.: Искусство, 1986, 306 с., см. также, 384 с., 388 с.

^[45] В переводе с лат. — “другое я”: см. Alter ego // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/223544> (сентябрь 2017).

^[46] Очень часто автор, видя ситуацию, хотел как-то повлиять на неё и что-то изменить в адресате, а это уже говорит о косвенном участии адресата в создании текста.

^[47] см. Даннинг Р. Благодать, вера и святость, СПб, БДВ, Вера и святость, 1997, 232-242 с.

^[48] см. Иоанн Дамаскин, Точное изложение православной веры, Москва: “Лодья”, 2000, 111-115 с., 105-110 с.

^[49] Савин Г.А. Лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

ими речи. При этом употребляются личные местоимения, описываются собственные действия и внутреннее состояние, вводя тем самым себя в создаваемый текст. Это соответственно эпистолярный (или разговорный) дискурс (см. ниже), в котором автор принадлежит описываемому им миру, и его авторское “Я” находится в тексте. При этом он может вводить себя в первом лице единственного числа – “Я”, а может вводить в третьем лице “знаю человека <...> он был” (2 Кор. 12:2-4), но, тем не менее – он принадлежит миру текста. С другой стороны существует такой тип авторов, который не принадлежит миру создаваемого ими текста, их авторского “Я” мы там не находим. Это легко можно увидеть на рассказах художественной литературы, например, А.П.Чехова, в которых он является просто сторонним для мира текста рассказчиком, повествователем (*нарратором*), он сам в тексте не представлен, его там нет.

Примером этому также служит автор книги Иова. Он как сторонний наблюдатель, стоит над миром текста, находясь как бы вне его, прекрасно осознающий суть всего происходящего во всём сюжете^[50] книги, действия её героев, их переживания, движение мыслей и весь хода повествования. Такой автор понимает суть всех страданий и горечи главного героя своего повествования, и создаёт произведение с высоты своего “полёта” над ним. Таким образом, этот тип авторов не принадлежит миру созданных ими произведений, они вне текста, и их цель заключается в передаче адресату необходимой по сюжету информации, которая ценна для описания выбранной ими реальности. Падучева отмечает, что:

“Так или иначе, в коммуникативной ситуации нарратива аналогом говорящего является не сам автор, а, как иногда говорят, образ автора, а точнее сказать – *повествователь*^[51]: именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром той системы пространственно-временных координат, которая необходима для приведения в действие разветвленного механизма дейктической (указательной) референции, заложенного в языке и активно работающего в любом повествовательном тексте”^[52].

Автор всегда является тем, кто формирует пространственно-временную систему координат, в которой находится текст. Именно поэтому, понимание автора (принадлежит или не принадлежит миру текста) принципиально

^[50] см. Щепилова Л.В. Введение в литературоведение, Москва: Высшая школа, 1968, 113-121 с.; см. также Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение, М.: Просвещение, 1979, 114-129 с.

^[51] В сноске на ‘повествователь’ в данной цитате Падучева отмечает, что “термины повествователь и образ автора (а иногда и просто автор) используются в научной литературе как синонимы...”, см. Падучева Е.В. Семантические исследования, М.: Языки славянской культуры, 2010, 202 с.; также об этом пишет Бахтин М.М., см. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества, М.: Искусство, 1986, 303-312с., 373 с., 383 с. Об образе автора см. также Виноградов В.В. О теории художественной речи, Москва: Высшая школа, 1971, 107-118 с.

^[52] Падучева Е.В. Семантические исследования, М.: “Языки славянской культуры”, 2010, с. 202.

для жанрового анализа. Следовательно, любой жанровый анализ должен начинаться с выявления определённых дискурсов, принципиально разных по отношению друг к другу.

Итак, как пишет Падучева, автор текста **“может быть персонифицированный”** – когда он является одним из персонажей текста, т.е. входит в мир текста... совершает какие-то поступки”^[53], описывает своё эмоциональное состояние или отношение к происходящему. Это **“диегетический (автор), принадлежащий миру текста”**^[54], или персонифицированный. Далее продолжает Падучева, автор **“может быть не персонифицированный”**, таковой ведёт себя как отстранённый повествователь, апеллирующий к читателю извне, оценивающий и создающий текст только с внешней стороны. Это **“эксегетический (автор), не входящий во внутренний мир текста”**^[55], или соответственно, не персонифицированный, он не принадлежит миру описываемой им сюжетной линии, композиции произведения, действующих лиц, событий... Таким образом, выявляются соответственно два дискурса по основанию **принадлежность/непринадлежность** автора к миру описываемого текста: **эпистолярный дискурс** или **разговорный и нарративный дискурс** или **повествовательный**^[56]. Диегетический автор относится к эпистолярному (**разговорному**) дискурсу, а автор эксегетический относится, соответственно, к нарративному (**повествовательному**) дискурсу.

Также необходимо сразу отметить, что огромное количество Библейских текстов носит контаминационный^[57] характер или же фрагментационный, что является вполне естественным для текстов описывающих реальную жизнь. Например, текст может начинаться в нарративном дискурсе, а в следующей главе он уже может персонифицироваться.

Дабы проиллюстрировать сказанное, рассмотрим следующие фрагменты из Нового Завета:

а) *“¹ Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, ² как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, ³ то рассудилось и мне, по тщательному исследовании всего с начала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, ⁴ чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен.”* (Лук. 1:1-4).

б) *“¹ В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.² Оно было в начале у Бога. ³ Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало*

^[53] Там же, с. 203.

^[54] Там же, с. 203; см. также Шмид В. Нарратология, М.: Языки славянской культуры (Studia philologia), 2003, с. 81.

^[55] Падучева Е.В. Семантические исследования, М.: “Языки славянской культуры”, 2010, с. 203.

^[56] см. Савин Г.А. лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

^[57] см. Прохоров Е.И. “Контаминация” // Литературная энциклопедия терминов и понятий, под ред. А.Н. Николюкина, М.: НПК “Интелвак”, 2001, 392 с.; см. также “Контаминация” // Психологический словарь. 2000, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/868> (март 2013).

быть, что начало быть. ⁴ В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

⁵ И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.” (Ин. 1:1-5).

Евангельская традиция приписывает авторство Евангелия от Луки и книги Деяния апостолов евангелисту Луке (“врач возлюбленный”, Кол. 4:14), а Евангелия от Иоанна, трёх посланий и книги Откровение — евангелисту Иоанну Богослову^[58]. Даже при поверхностном прочтении самых первых стихов этих евангелий заметна разница в представлении их авторов.

В первом фрагменте (а) автор сразу вводит себя в мир текста, это видно через следующие детали:

- употребляются местоимения *нами* (ἐν ἡμῖν), *нам* (ἡμῖν), *мне* (καὶ μοι)^[59];
- автор раскрывает свое коммуникативное намерение (“...по тщательном исследовании всего с начала, по порядку описать...”, Лк. 1:3);
- называется адресат текста (κράτιστε Θεόφιλε)^[60].

Во фрагменте (б) такого не наблюдается, автор остаётся за кадром, он находится вне повествования, как будто парит над текстом и сообщает читателю нечто, что знает только сам, и что доселе было закрыто остальным и открыто только ему. Именно так написан этот глубоко философский отрывок.

Поэтому можно констатировать, что в первом фрагменте (а) представлен *диегетический* автор, а во втором фрагменте (б) — *экзегетический* автор. Интересно дальнейшее наблюдение над продолжением повествования, поскольку оба автора начинают проявлять себя ровно в противоположном отношении. Т. е. евангелист Лука далее дистанцируется, и продолжает текст своего Евангелия как беспристрастный повествователь: с пятого стиха этой же главы мы видим рассказ о рождении Иоанна Крестителя (предсказание ангела о рождении пророка и далее...). Евангелист же Иоанн наоборот вводит себя в мир описываемого текста и описывает себя в нём, как одного из участников, т.е.: “И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца” (Ин. 1:14). Таким образом, можно наблюдать смену дискурсов, и соответственно, их контаминацию.

Экзегетического автора “называют ещё *имплицитным*”^[61], поскольку он не называется и не открывается читателю, но только скрытно, как бы всегда оставаясь за кадром, присутствует в тексте. По аналогии с имплицитным названием экзегетического автора, диегетического автора называют *эксплицитным* ^[62].

^[58] По крайней мере, именно такое мнение доминирует в Церквах РС ЕХБ на юге России.

^[59] см. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык, РБО, СПб, 2001, 303 с.

^[60] Там же.

^[61] Падучева Е.В. Семантические исследования, М.: “Языки славянской культуры”, 2010, 203 с.

^[62] Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры (Studia philologia), 2003, 87, 298 с.

Необходимо отметить ещё одно из отличий экзегетического автора, которое заключается, прежде всего в том, что от экзегетического автора “не требуется (*раскрытия*) его пространственно-временной позиции в этом мире: не встает вопрос, где он находится, когда описывает события”^[63], поскольку он достаточно отдален от мира текста (хотя на самом деле это только литературный прием). Для текстов диегетического автора такая проблема есть, отмечает Падучева^[64]. Так апостол Павел в некоторых случаях, сообщает своим читателям определённые сведения о своей жизни, о себе, своих поступках. Более того, такая информация в определённых случаях позволяет ему опереться на личные отношения, апеллировать в случае необходимости своим личным примером и призвать к аналогичному поведению: “Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу” (1 Кор. 4:16).

При оценке текстов Священного Писания можно констатировать, что экзегетический автор доминирует над диегетическим. Этому утверждению способствует само положение об обоих дискурсах, поскольку у имплицитного автора значительно больше возможностей для выражения идей своего текста, как говорят, по определению. Так имплицитный автор не связан рамками своего же текста, его знание происходящего оказывается различной глубины, оно или ограничено или же безгранично, и это позволяет ему иметь значительно больше выбора в способах создания произведения. Возможно здесь мы опять же сталкиваемся с Божьим Промыслом, который повлиял на выбор дискурсов для написания библейских книг их авторами. Большинство из них выглядят как понимающие и знающие самую суть происходящей действительности как настоящего с прошлым, так и будущего. И это последнее оказывается даже более важным, поскольку они выступают как реальные и самодостаточные творцы событий, которые видят развязку и конец повествования. Это позволяет им видеть и оценивать и своё место в развивающейся истории человеческого спасения.

Так, как можно видеть, экзегетический автор крайне свойственен текстам Ветхого Завета. Возможно, это связано с письменной традицией, поскольку, как отмечается светскими учеными, в древнееврейской литературе было фактически верх неуважения к адресату вводить своё собственное “Я” в текст, но необходимо было писать от автора, который уже находился в традиции, т.е. от имени Моисея, Исаии, Иезекеиля...^[65] Дело в том, что в представлении современного человека, как пишет Прозоров, понятие “автор” связано с писателем, который имеет свою биографию, автор это писатель “создающий, сочиняющий другую реальность — словесно-художественные высказывания любого рода и жанра, претендующий на собственность сотворенного им текста”^[66]. Аверинцев ещё отмечает, что

^[63] Падучева Е.В. Семантические исследования, М.: “Языки славянской культуры”, 2010, 203 с.

^[64] Там же.

^[65] см. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции, М.: Школа, 1996, 21 с.

^[66] Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведе-

“понятие индивидуального ‘авторства’ неизвестно ближневосточным литературам; его функционально замещает понятие личного ‘авторитета’”^[67]. Библейские тексты учёный включает в категорию ближневосточной литературы, далее он пишет:

“Чтимое имя ... Давида, или Соломона есть всякий раз метка, указывающая на особое значение сборника, которому это имя присвоено (здесь даже нельзя говорить о мистификации, о литературном подлоге, ибо понятие литературного подлога предполагает понятие литературного авторства). Личное имя – это символ, и употребление таких символов по-своему логично”^[68].

Но здесь можно было бы и оспорить эти утверждения, поскольку тексты Библии, это особые тексты, и при их написании действовал Сам Бог. Разумеется, что при таком способе написания, с одной стороны, возможны были бы и любые исключения из правил, но с другой стороны, даже если это было и так, то понятие богодухновенности текстов Священного Писания^[69] всё равно включило бы в себя этот факт. Поскольку если книга, в результате действия Святого Духа и тщательного отбора временем, попала в Канон под своим определённым названием и с определённым тщательно выверенным текстом, то значит именно так Писание и проецируется Богом и для Церкви и для внешнего мира людей для своей главной цели – донесения Божьего откровения^[70]. Отчасти это предмет веры, в результате которой и будет действовать Сам Бог Духом Святым, и именно поэтому вопрос богодухновенности достаточно сложен для чётких метрических формулировок и богословского описания^[71]. Итак, экзегетический автор присутствует в подавляющем большинстве текстов Ветхого Завета.

Нарративный дискурс наблюдается и в части новозаветных текстов, к примеру, в Евангелиях очень мало находится информации об их авторах, она присутствует разве что только фрагментами^[72] или же намёками^[73]. Это

дение: основные понятия и термины, под ред. Л.В. Чернец, М.: “Высшая школа”, 1999, 11 с.

^[67] Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции, М.: Школа, 1996, 21 с.

^[68] Там же.

^[69] см. Гальбиати Э. Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Под ред. Харитоновой Л. Милан: Христианская Россия, ИФ “Восточная литература”, ВО “Наука”, 1992; см. также: Маннуччи В. Библия – Слово Божие, Общее введение в Священное Писание, Москва, АЛИО-АРТ-О, 1996; см. также Макдауэлл Д. Свидетельства достоверности Библии, СПб, БДВ, 2003, 351-367 с.

^[70] Евангельское богословие постоянно сталкивается с проблемой использования достижений либеральных и светских научных исследований и серьёзным вопросом об отношении к ним и осознания понятия богодухновенности канонических книг в свете библеистических исследований.

^[71] В связи с этим, в евангельском богословии существует определённый кризис в попытках сформулировать удовлетворяющее всем самым требовательным критикам евангельское определение богодухновенности. Всё что имеется в настоящий момент, это заявления о богодухновенности общего характера. Все попытки уточнить и детализировать существующие подходы к объяснениям этого явления каждый раз заканчиваются определёнными вопросами, на которые опять где-то выявляется отсутствие удовлетворяющего объяснения.

связано, скорее всего с тем, что они видят своей задачей представить именно своего Господа, Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира. Они как бы хотят быстрее сойти со сцены, чтобы не заслонять Его своей персоной. Их цель — это Он. Он Самый главный в этом повествовании. Это уже сразу видно даже из самой формы названий Евангельских повествований. Поясним далее эту мысль. По-гречески можно сказать “Евангелие Матфея” или “Евангелие от Матфея”, а озаглавлено “Евангелие, которое согласно тому, что написал Матфей (ката Ματθαίου¹⁷⁴), ката Матфайон”, т.е. текст говорит, что традиция присваивает этот текст перу Матфея или же традиция присваивает этот текст перу Луки или же иному из евангелистов¹⁷⁵. Это значит, что составители греческого текста снимают с себя ответственность за представленное в нём и пред Богом, и пред людьми, и пред наукой. Изучая далее Евангелия становиться видно, что никто из евангелистов не представляется лично. Например, “...рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе,..” (Лк. 1:3), т.е. Феофил знает, кто именно автор письма и лишний раз представляться никто не считает нужным. Ещё пример, “Сей ученик и свидетельствует...” (Ин. 21:24). Опять же, автор не называет своего имени. Итак, можно заметить, что в Евангелиях доминирует экзегетический автор, т.е. нарративный дискурс. Также внимательный взгляд на остальные новозаветные книги позволяет определить, что нарративный дискурс преобладает и в Деяниях апостолов и в Откровении (апокалипсисе) Иоанна богослова.

Эпистолярный же дискурс характерен для новозаветных посланий, со своими для них своими специфическими особенностями. Например в них присутствуют такие первичные речевые жанры, как *приветствие* (Рим. 1:1-7), *прощание* (3 Ин. 15, 2 Фес. 3:17-18), *ободрение* (1 Пет. 3:14), *объяснение* (Гал. 5:17-18), *просьба* (Фил. 4:3), *пожелание* (Фил. 3:15), *сообщение о планах* (Рим. 15:23-25) и многие другие¹⁷⁶. Однако, как было уже сказано, не редкостны случаи наложения дискурсов, и это вполне естественно, поскольку книги Писания — это описание реальной жизни, реальных людей и их поступков, а это не поддается строгой и четкой классификации какими-либо канонами и правилами¹⁷⁷. Поэтому определённая часть из текстов Священного Писания не носит ярко выраженного дискурсионного характера, нарративного или эпистолярного. В этом случае необходимо выделять *дискурсионную доминанту* отрывка или же всего изучаемого текста. Дискурсионная доминанта позволяет сосредоточиться на определённом

¹⁷² см. Ин. 18:15, Ин. 19:27, Ин. 21:24.

¹⁷³ В начале Ев. от Луки первые несколько стихов написаны так, как будто адресат знает того, кто пишет, и не нуждается в том, чтобы ему об этом дополнительно сообщали.

¹⁷⁴ The Greek New Testament, Münster/Westphalia, Deutsche Bibelgesellschaft, United Bible Societies, 1c., и “Table of Contents”.

¹⁷⁵ см. Савин Г.А. лекции, Прохладный, сентябрь 2011.

¹⁷⁶ Поиск и описание первичных речевых жанров является тематикой последующих статей.

¹⁷⁷ Изучение самих жанров по литературоведческому основанию в светской литературе хороший этому пример.

речевом жанре. Томашевский отмечает, что “признаки жанра, т.е. приёмы, организующие композицию произведения, являются приёмами доминирующими, т.е. подчиняющими себе все остальные приёмы <...> Такой доминирующий, главенствующий приём иногда именуется *доминантой*”^[78]. При этом необходимо ещё раз отметить, что как бы то ни было, в посланиях явно имеет место доминанта эпистолярного дискурса, а в Евангелиях так или иначе доминанта нарративного дискурса.

Итак, каждый текст может быть классифицирован по основанию принадлежности / не принадлежности автора к миру текста. Для Священного Писания Нового Завета характерны тексты обоих дискурсов, как нарративного (повествовательного), так и эпистолярного (разговорного), которые достаточно серьёзно противопоставлены друг другу, поскольку у этих двух разных типов текстов оказываются два качественно разных автора и авторских подхода к написанию текста. Первый автор вводит себя в мир текста, второй автор не вводит себя в мир текста, являясь просто нарратором, повествователем. С одной стороны дискурс эпистолярный, с другой стороны дискурс нарративный, и соответственно, эти два дискурса взаимоисключают друг друга. При этом, как и говорилось выше, текст может представлять собой и контаминацию обоих дискурсов. В применении к книгам Священного Писания Нового Завета можно увидеть, что для новозаветных посланий более характерен эпистолярный дискурс, а нарративный дискурс более присущ Евангелиям.

Некоторые первичные речевые жанры на примере апокалиптических текстов Нового Завета^[79]

Апокалиптика – неотъемлемый жанр христианской эсхатологии

◆ Данный евангельский жанр является носителем ценной информации о грядущем, о конце мировой истории и прекращении нынешнего греховного века человеческой цивилизации и начале новой жизни, нового бытия^[80]. Брюс Метцгер пишет: “Греческое слово *αποκαλυψις* буквально означает “откровение”. К апокалиптической литературе относят тексты, которые ставят своей задачей рассказать о грядущем”. В нём открывается то сокрытое, что

^[78] Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика, М.: Аспект Пресс, 1996, 207 с.

^[79] Данное практическое исследование является первым применением речевых жанров к апокалиптическим текстам Нового Завета известное автору настоящего материала. Исследуемая область чрезвычайно интересна и полезна для дальнейшего изучения, дополнения и развития, поскольку предоставляет пытливому читателю Библии новый инструментарий для жанрового анализа текстов Нового Завета. Более того, автор призывает всех заинтересованных исследователей присоединиться к подобным жанровым изысканиям в области речевых жанров применительно к текстам Священного Писания, как Нового Завета, так и Ветхого Завета.

^[80] см. Откр. 21:1-7, Мф. 19:28; в Мф. 19:28 употребляется очень интересное греческое слово переведённое в синодальном как пакибытие – “3824 παλιγγενεσις α возрождение; в Мат. 19:28 это слово говорит о новом веке, когда мир будет обновлен и восстановлен, и установлено будет царство Христа...”, Библейская симфония с ключом к еврейским и греческим словам, Germany, 1523 с.

касается череды земных событий последнего времени перед вторым пришествием Христа (Мф. 24:27), которое ознаменует конец этого злого века и начало нового: доброго и светлого. Христианские апокалиптические тексты говорят о наиважнейших и о принципиальных событиях будущего^[81], в отличие от многих других текстов Писания в которых говорится также о нечто существенном, но произошедшем в прошлом. Они рисуют как картины прекрасного нового мира, так и картины ужасного конца существования непокорного человечества, которые уходят своим бытием в вечность, в вечное существование в будущем, как и сказал когда-то об этом Иисус: “И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную” (Мф. 25:46).

Это один из самых любимых христианских жанров напрямую формирующий эсхатологию^[82], т.е. взгляды, и в частности, о конце этого мира. Он содержит надежду, поскольку описывает как “*плоха и тяжела*” жизнь сегодня, и как “*здорово и хорошо*” будет завтра. Нет ничего лучше для утомлённых жизнью людей, как весть о грядущем конце страданий и надежде избавлении от них, как весть о лучшей жизни. Об этом любят больше всего говорить мистики, и зачастую, это отталкивает зрелых авторов от этого жанра и настораживает в его использовании и его толковании благочестивых проповедников. Тем не менее, это очень важный жанр для христианской жизни, поскольку то, во что верят христиане (как именно и что именно будет с ними завтра, послезавтра, в ближайшее и далёкое будущее) напрямую влияет на их поведение сегодня. Это напрямую влияет на то, как они будут поступать сейчас, насколько они будут жертвенными, посвященными и послушными Богу.

Необходимо также сказать несколько слов и о влиянии иудаизма на новозаветное понимание будущего века. Стоит заметить, что идеи иудаизма о будущем веке оказали определённое влияние на христианскую апокалиптику, но она вышла за пределы их национальной ограниченности^[83], как и понимание Самой личности Иисуса. Этому особенно способствовал апостол Павел: “...где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос” (Кол. 3:11; см. также Рим. 2:28-29, Гал. 3:28-29). Очевидно, что идея всеобщего братства, мира и любви глубоко посажена Богом в возрождённые человеческие души: “Спасенные народы будут ходить во свете его,...” (Откр. 21:24). Книга Откровение Иоанна Богослова в своей концовке (последние две главы) рисует мир без греха, и это очень символично первым двум главам книги Бытие – мир до греха. Эти пары глав – своего рода скобки, в которых заключён нынешний временный век, век утрат, болезней, страданий, бед, несчастий,... в котором необходимо “*терпением ... спасать души*” (Лк. 21:19).

^[81] см. В. А. Demarest (пер. Ю.Т.) “Апокалипсисы” // Теологический энциклопедический словарь под ред. Уолтера Элвелла, М.: АДВ ЕХБ, 2003, 68-71 с.

^[82] см. Эриксон М. Христианское богословие, СПб: БДВ, 1999, 969-984 с.; см. Тиссен Г.К. Лекции по систематическому богословию. – СПб.: БДВ, 1994, 364-372 с.

^[83] см. Савин Г.А. лекции, Прохладный, сентябрь 2011; см. также Новый Завет, например, “17 И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов?” Мр. 11:17, Откр. 21:24.

Итак, как уже было сказано выше, речевые жанры представляют собой крайнюю разнородность^[84] и зависят от сложности межличностного общения вследствие чего их достаточно сложно описать и тем более объективно классифицировать. Напомним, что первичные речевые жанры входят в более сложную структуру вторичных жанров, т.е. во вторичном речевом жанре может присутствовать несколько первичных жанров. Отличия между ними не функциональные, а зависят от уровня сложности. И первые, и вторые, в свою очередь, входят в состав уже книг Нового Завета, такую структуру можно назвать комплексным жанром. Имея в распоряжении такой инструментарий, появляется возможность исследовать саму суть текста и его дискурса, и, таким образом исследователь оказывается не связанным с какой-либо классификацией, кем-то заранее принятой. Это предоставляет свободу для полёта мысли^[85] при экзегезе текста и поиска первоначального богодухновенного намерения автора.

Так, например, в комплексном^[86] апокалиптическом жанре написана ярко выраженная книга Откровения Иоанна Богослова и книга пророка Даниила^[87]. В книге пророка Иезекииля, разумеется, присутствует апокалиптика, но в целом это только предвестник апокалиптики^[88]. Так, например, в толкованиях или комментариях преемников А.П. Лопухина он назван “родоначальником еврейской апокалиптики”^[89]. Таким образом, говоря в целом о жанрах книг пророка Даниила и Откровения Иоанна Богослова их называют апокалиптические, подспудно имея ввиду именно их комплексную жанровую направленность.

Апокалиптическое сообщение нарративного дискурса (на примере Евангелий)

◆ Апокалиптическое сообщение (эсхатологическое сообщение) как первичный жанр нарративного дискурса необходимо отличать во-первых, от апокалиптического речения разговорного дискурса, и во-вторых, от вторичного комплексного апокалиптического жанра, в котором могут быть написаны целые книги, такие как книга Откровения Иоанна богослова и книга пророка Даниила, как и говорилось выше.

Как правило, рассматриваемый жанр возникал в результате интереса учеников к будущему. В некоторых случаях Иисус Сам провоцировал такой

^[84] Бахтин М.М. Автор и герой, СПб.: Азбука, 2000, 251 с.

^[85] “Полёт мысли” должен быть ограничен и подконтролен благодатному действию Святого Духа, и оставаться в рамках всего библейского учения, в рамках текстов Священного Писания.

^[86] Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания №5, Наука, Москва, 1997, 104 с.

^[87] см. Мотьер С. “Апокалиптика” // Евангельский словарь библейского богословия, под ред. Элуэлла У., БДВ, СПб, 2000, 52-54 с.

^[88] Осборн Г.Р. Герменевтическая спираль, Одесса: Библейская кафедра, 2009, 380 с.

^[89] Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 2, издание преемников А.П. Лопухина, Петербург, второе издание, Стокгольм, 1987, 190 с.

интерес⁹⁰¹, а в некоторых нет⁹¹¹. Такой вывод можно сделать из исследования контекста появления данного жанра в речах Иисуса, поскольку именно это больше всего и интересовало учеников, а не вопрос об изменениях в телах “святых и верных”, как например, в посланиях. Таким образом, можно наблюдать, что жанр “апокалиптическое сообщение” нарративного дискурса на примере Евангелий возник как реакция Иисуса (пусть даже Им же и спровоцированная) на определённый интерес окружающей Его аудитории, поэтому и сформирован, отчасти этим интересом, а отчасти волей Самого Иисуса.

Рассмотрим некоторые дифференциальные характеристики жанра.

- а) Законченное речение, находящееся в рамках одной книги Священного Писания, в отличие от комплексного жанра, в котором написаны целые книги, имеющие определённую композицию написания и сюжетную линию⁹²¹. Например, Мф. 24-25 главы, Лк. 17:20-24, Лк. 21:5-36.
- б) Предречение определённых событий будущего, которые будут предвестниками конца и несущих негативный окрас, Мф. 24:2:

“Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено.” (Мф. 24:2).
- в) Включение повествования о пришествии во славе и силе Иисуса Христа как кульминации, которое и положит конец грядущему беззаконию, Лк. 17:24, Мф. 25:31, Лк. 21:27, например Лк. 17:24:

“...ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой.” (Лк. 17:24).
- г) Вовлечение слушателей в грядущие события, которым и был адресован ответ Христа, Лк. 21:12-18:

¹² *Прежде же всего того возложат на вас руки и будут гнать [вас], предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое;*
¹³ *будет же это вам для свидетельства.*
¹⁴ *Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать,*
¹⁵ *ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам.*
¹⁶ *Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят;*
¹⁷ *и будете ненавидимы всеми за имя Мое,*
¹⁸ *но и волос с головы вашей не пропадет...”* (Лк. 21:12-18).
- д) Употребление глаголов в будущем времени, например, Мф. 25:31-32.

³¹ *... тогда сядет на престоле славы Своей,*
³² *и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов;..”* (Мф. 25:31-32).

⁹⁰¹ см. например, утверждение Христа о разрушении храма, Мф. 24:2, Лк. 21:6.

⁹¹¹ см. например, вопрос фарисеев о Царствии Божием, Лк. 17:20.

⁹²¹ см. Кормилов С.И. “Сюжет” // Литературная энциклопедия терминов и понятий, под ред. А.Н. Николюкина, М. НПК “Интелвак”, 2001, 1048-1050 с.

Апокалиптическое речение разговорного дискурса (на примере посланий)

◆ Этот вид жанра заслуживает особого внимания. Апокалиптическое речение разговорного дискурса (эсхатологическое речение) похоже на подобное апокалиптическое сообщение нарративного дискурса, поскольку также информирует читателя о грядущих событиях будущего, но за исключением нескольких отличий. В частности, в апокалиптическом речении разговорного дискурса необязательно включение в текст сообщения о втором пришествии Иисуса Христа во славе и силе (иногда включается, иногда нет, например: 1 Кор. 15:51, 2 Фес. 2:8). При этом, как правило, появляется уточнение о том, что именно будет с призванными, сохранившими верность Господу Иисусу Христу (т.е. с Церковью). Можно ещё увидеть, что сделан акцент на избавление Церкви от постигших её страданий. Таким образом, текст фокусируется больше на изменениях в верующих, и на окончании их горестей и бед. Например.

а) Нет включения повествования о втором пришествии Иисуса Христа во славе и силе, но сделан акцент на то, что произойдёт с Церковью, 1 Кор. 15:51-53:

“⁵¹ Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся⁵² вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. ⁵³ Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие.” (1 Кор. 15:51-53).

б) Уточнение того, что именно будет с верующими, а также представлено сообщение о втором пришествии Христа:

“⁷ а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, ... ¹⁰ когда Он придет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству.” (2 Фес. 1:7-10).

Таким образом, можно убедиться, что в апокалиптическом речении разговорного дискурса акцент сделан на происходящее с верующими, на изменениях, которые произойдут с ними и на избавлении от скорбей. В нарративном же дискурсе Евангелий делается акцент на второе пришествие Христа и на события, которые будут его сопровождать.

В целом, необходимо сказать, что существует определённая сложность в толковании апокалиптических речевых жанров и комплексного апокалиптического жанра в целом^[93], в частности книги Откровения Иоанна Богослова. Это и неудивительно, поскольку жанр особенно обильно использует образную речь, устойчивые в сознании как автора, так и первоначального получателя формы переносного значения.

При этом также важно отметить, что нельзя толковать книгу Откровение, например, двадцать четвёртой главой Евангелия от Матфея или же дру-

^[93] см. Веклер Г.А. Герменевтика, Бейкер Бук Хауз, Гранд Рапидс, Мичиган, USA, 1995, 137-144 с.

гими текстами, касающимися апокалиптики в виду полного отсутствия инварианта. Нельзя выводить нечто “среднее арифметическое”, поскольку это разные книги, разные авторы, разный дискурс. И потому что, наконец: “Не придет Царствие Божие приметным образом” (Лк. 17:20), а также что: “О дне же том и часе никто не знает” (Мф. 24:36). Одно ясно точно, что Иисус Христос придет второй раз, и что ожидать необходимо именно Его, а не каких-либо событий, истолкованных кем-либо и как-то из текстов Писания, описывающих последние времена. По определенным, происходящим в мире событиям конечно можно догадываться о Его скором приходе, но делать это необходимо очень осторожно: “Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше” (Лк. 21:28).

“Ей, гряди, Господи Иисусе!” (Откр. 22:20). Аминь.

Направление для дальнейшего исследования

◆ Итак, в связи со сложившимися принципиальными сложностями анализа жанров литературоведческого подхода Аристотеля предлагается обратить внимание на лингвистический подход анализа жанров предложенный М.Бахтиным применительно к книгам Священного Писания Нового Завета. За основание предлагаемого анализа и выделения жанров в новозаветных писаниях предлагается использовать синхронический подход и лингвистические методики анализа текста, в основе которых лежит дискурс ситуации написания, а не совокупность изучаемых и сопоставимых между собой на предмет поиска их дифференциальных характеристик текстов, как в литературоведческом подходе. Предлагаемый метод подразумевает наличие первичных речевых жанров, которые, предположительно, изменяясь, объединяясь и усложняясь, перерастают во вторичные. Исследованию подлежат только канонические книги Нового Завета, что также отмечалось, так как это связано с Вероучением РС ЕХБ^[94].

Анализ должен проводиться по основанию определения и разграничения принадлежности или же непринадлежности автора к внутреннему миру исследуемого текста: есть нарративный (повествовательный) дискурс и эпистолярный (разговорный) дискурс, и соответственно, авторы текста: экзегетический и диегетический. Таким образом, в дальнейших поисках и разработках принципов жанрового анализа появляется новая задача, которая состоит в поиске и выявлении в первую очередь первичных речевых жанров (простых) и сопоставление их дифференциальных характеристик, и далее, в поиске и выявлении уже вторичных речевых жанров (или же сложных). За материалы новозаветных исследований могут быть взяты Евангелия и послания. Таким образом, далее предстоит рассматривать и анализировать новозаветные тексты одного исторического промежутка,

^[94] Канонические книги Священного Писания как Ветхого Завета так и Нового Завета имеют принципиальное отличие от всех остальных существующих текстов — они БОГОДУХНОВЕННЫ. Конечно же, это вопрос веры, той самой спасительной, которая и вменяется в праведность, и ведет в жизнь вечную.

учитывать их дискурс по основанию принадлежности / не принадлежности автора к миру тексту на предмет поиска и сопоставления определённых дифференциальных жанровых характеристик, учитывая приведённые выше в определениях компоненты и проникаясь в коммуникативные намерения богодухновенных авторов. Обозначенная задача будет являться тематикой последующих статей.

Библиография

- Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение: Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 “Рус. яз. и лит.” — 7-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1979, 352 с.
- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. — 448 с.
- Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение, пер. с англ. Полосина В.В., СПб, РБО, 2000, 272 с.
- Аристотель Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории (Классическая философская мысль). — Мн.: Литература, 1998. — 1392 с.
- Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000. — 336 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986, 445 с.
- Библейская симфония с ключом к еврейским и греческим словам, Printed and bound in Germany, Copyright 1998 Bob Jones University, 1577 с.
- Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. 1969—1978, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse> (март 2013)
- Большой толковый словарь русского языка (БТС), сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов, СПб, Норинт, 1998, 1536 с.
- Большой энциклопедический словарь (БЭС), гл. ред. А.М. Прохоров, 2-е изд., перераб. и доп., М, Большая Российская энциклопедия, СПб, Норинт, 1999, 1456 с.: ил.
- Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста, Литературоведческая этика и толкование Писания, пер с англ. — Черкассы, Коллоквиум, 2007, 736 с.
- Веклер Г.А. Герменевтика: принципы и процесс толкования Библии, Бейкер Бук Хауз, Гранд Рапидс, Мичиган 49506, USA, 1995, 177 с.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи, Москва, Высшая школа, 1971, 240 с.
- Гальбиати Э. Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Под ред. Харитоновой Л. Милан: Христианская Россия, ИФ “Восточная литература”, ВО “Наука”, 1992, 304 с.
- Даннинг Р. Благодарь, вера и святость: Вслеевское систематическое богословие. — СПб, БДВ, Вера и святость, 1997, 598 с.
- Дементьев В.В. Теория речевых жанров (Коммуникативные стратегии культуры). — М.: Знак, 2010, 600 с.
- Евангельский словарь библейского богословия, под ред. Элзулла У., БДВ, СПб, 2000, 1232 с.
- Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З.И. Плавскина, В.В. Жирмунской. Изд. 2-е. — М.: Едитораил УРСС, 2004, 464 с.
- Казакова О.А. Дialekтная языковая личность в жанровом аспекте. — Томск: Издательство ТПУ, 2007, 200 с.
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000, с. 5-20.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, НПК “Интелвак”, 2001, 1597 с.
- Макдауэлл Д. Свидетельства достоверности Библии: повод к размышлениям и основание для принятия решения: Пер. с англ. СПб.: Христианское общество “БДВ”, 2003, 747 с.
- Маннуччи В. Библия — Слово Божие, Общее введение в Священное Писание, пер. с итал. Капалет Д.Л. под общей ред. В.Г. Гайдука и Е.С. Токарева, Москва, АЛИО-АРТ-О, 1996, 428 с.

- Матвеева Т.В. К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи вып.1 (сборник научных статей), Саратов: Колледж, 1997, 44-51 с.
- Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие, Клин: Фонд “Христианская жизнь”, 2001, 448 с.
- Мещер Б.М. Канон Нового Завета: возникновение (происхождение), развитие, значение, Москва: ББИ, 1998, 331 с.
- Мещер Б.М. Новый Завет. Контекст, формирование, содержание / пер. с англ., Москва: ББИ, 2006, 360 с. — (Серия “Современная библеистика”).
- Мещер Б.М. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала, Москва: ББИ, 1996, 334 с.
- Миროнова Н.Н. “Речь, погружённая в жизнь”, Иркутский государственный университет, Факультет филологии и журналистики, кафедра русского языка и общего языкознания, <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material6/> (март 2013).
- Негров А. Повелительное наклонение в греческом Новом Завете // Библейский альманах “Хронограф”, №1, СПб, Община евангельских христиан, отв. ред. Тарасенко Александр, 1997, 128с.
- Новейший философский словарь. 2009, http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_new_philosophy (март 2013).
- Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык, РБО, СПб отделение, СПб, 2001, 1406 с.
- Осборн Г.Р. Герменевтическая спираль, Общее введение в библейское толкование, пер. с англ. Одесса: ЕААА, Библейская кафедра, 2009, 728 с.
- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). 2-е изд., испр. и доп.— М.: “Языки славянской культуры”, 2010, 480 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
- Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. — М.: Флинта, Наука. Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. 1998, http://ped_recheved.academic.ru/ (март 2013).
- Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины, под ред. Л.В. Чернец. — М.: “Высшая школа”; Академия, 1999, (556 с.), 11-20с.
- Психологический словарь. 2000, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/psihologic> (март 2013).
- Савин Г.А. Лекции, прочитанные в г. Прохладный по курсу “Герменевтика (теория текста)”, СКБИ, на магистерской программе, сентябрь 2011.
- Савин Г.А. Семинар для служителей московского региона “Библия и её современная интерпретация”, Московская Богословская Семинария, Москва, октябрь 2005, (<http://moscowseminary.org/>, март 2013).
- Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: “ссора”, “комплимент”, “колкость” // Жанры речи вып.1 (сборник научных статей), Саратов: Колледж, 1997, 188-195 с.
- Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) 38-43 с. // http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0070236.pdf (март 2013).
- Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи, вып. 2 (сборник научных статей), Саратов: Колледж, 1999, 14-27 с.
- Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи, вып. 3 (сборник научных статей), Саратов: Колледж, 2002, 40-52 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: «Флинта», «Наука». Под ред. М.Н. Кожинной, 2003, <http://stylistics.academic.ru/> (март 2013).
- Словарь литературоведческих терминов. С.П. Белокурова, 2005, http://literary_criticism.academic.ru/ (март 2013).
- Словарь русских синонимов, http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonyms (март 2013).
- Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic> (март 2013).
- Теологический энциклопедический словарь, под ред. Уолтера Элвелла, М.: Ассоциация “Духовное возрождение” ЕХБ, 2003, 1488 с.
- Тиссен Г.К. Лекции по систематическому богословию. — СПб.: БДВ, 1994, 448 с.
- Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova> (март 2013).

- Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov> (март 2013).
- Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета в 3-х томах, издание преемников А.П. Лопухина, Петербург, т. 2, 1904-1913, второе издание, Стокгольм, 1987.
- Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. — М.: Аспект Пресс, 1996, 334 с.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания, 1997, №5 (сентябрь-октябрь), РАН отделение литературы и языка, Москва: Наука, 1997, 102–120 с.
- Хазел Г. Дар языков (Библейские исследования), Источник жизни, 1995, 123 с.
- Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. — 3-е изд. испр. и доп., Москва: Высшая школа, 2002, 437 с.
- Хейз Р. Этика Нового Завета / Пер. с англ., М.: ББИ, 2005, 712 с. — (Серия “Современная библеистика”).
- Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи, вып.1 (сборник научных статей), Саратов: Колледж, 1997, 88-99 с.
- Шмид В. Нарратология, М.: Языки славянской культуры (Studia philologia), 2003, 312 с.
- Щепилова Л.В. Введение в литературоведение, издание 2-е испр. и доп., Москва, изд-во “Высшая школа”, 1968, 376 с.
- Энциклопедия Кругосвет: Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия “Кругосвет” 1997-2013, <http://www.krugosvet.ru/> (март 2013).
- Эриксон М. Христианское богословие, СПб: БДВ, 1999, 1088 с.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, 2-е (репринтное) издание “Лингвистического энциклопедического словаря” 1990 года, Москва, Научное изда-тельство “Большая Российская энциклопедия”, 1998, 685 с.
- The Greek New Testament, Former Editions edited by Aland K., Black M., Martini C.M., Metzger B.M., Wikgren A., Fourth Revised Edition by Aland B., Aland K., Karavidopoulos J., Martini C.M., Metzger B.M., in cooperation with the Institute for New Testament Textual Research, Münster/Westphalia, Deutsche Bibelgesellschaft United Bible Societies.